

КРУПНЫЙ ПЛАН

Зв. правда. - 1994. - 18 марта. - с. 25

Олег ТАБАКОВ:

Я неплохо ел в роли Людовика и в «Семнадцати мгновениях весны»

— Было такое. Американские газеты почему-то пишут обо мне в очень комплиментарных тонах. «Нью-Йорк таймс» опубликовала большой материал «Волшебник из Москвы» о театральной школе. Видимо, у актеров как раз был перерыв в съемках, и они пришли на уроки независимо друг от друга. Звезды произвели на меня самое приятное впечатление. Я до сих пор думаю, кто же должен приехать в Москву, чтобы мои коллеги с такой мерой открытости, с такой верой в возможность чему-то научиться пришли бы на занятия.

— Вы считаете, что Хофман и Абрахам приходили чему-то учиться?

— А что ими еще могло двигать, как не желание постигнуть что-то новое в секретах мастерства? Они не общественные деятели и не сторонники сближения Соединенных Штатов и России. Они пришли потому, что школа их заинтересовала.

— У своих учеников вы стремитесь занять все свободное время. Кем они вас считают: диктатором или демократом?

— Насчет учеников не знаю, но лично я не думаю, что по природе я диктатор, хотя часто действительно бываю безапелляционен. Для одаренных учеников у меня уже к концу первого семестра складывается четкая программа на все четыре года. Я веду каждого ученика, пере-

Репетирую в своем театре роль в пьесе Максима Горького «Последние». Планирую ставить «Механическое пианино» в Финляндии и «Две стрелы» в Америке. В Москве хочу поставить Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В Школе-студии МХАТ выпускаю учеников и набираю новую группу...

— Не так давно ваш театр гастролировал по Японии. Из нашей прессы я понял, что вы играли спектакли в токийских универмагах. Это действительно так?

— Нас пригласила огромная компания «Парко», владеющая су-

Талейран по сценарию ест мало. Но я с удовольствием наблюдал за моим партнером Арменом Джигарханяном и могу подтвердить, что продукты были качественными.

— А каких сортов было шампанское, какой коньяк?

— Только подкрашенная вода. Не верьте тому, что артист, приняв алкоголя, становится свободнее и талантливее, на моих глазах алкогольное отравление таланта еще никому не прибавляло. Актер просто хуже контролирует себя.

— А как вы вообще относитесь к потреблению спиртных напитков?

— Положительно, но только после работы.

— Мультипликацию я просто очень люблю, а деньги... Ну, какие там деньги. За озвучивание Матроскина я получил рублей триста.

пермаркетами по всей Азии. Это удивительный факт, но в компании есть департамент культуры, а при нем еще и отдел театров, имеющий крупные залы.

Мечтаю о тех временах, когда «Серпуховской», «Марьинский», ГУМ и другие наши универмаги объединятся и построят в Москве свой театр.

— С Японией все ясно, но объясните, как ваш театр, чуть ли не единственный в Москве, выезжает на гастроли по России?

— Ищем спонсоров и каждый год пять-шесть недель выезжаем в другие города. Последние гастроли были в Новосибирске, Томске, Барнауле, Иркутске и Екатеринбурге.

— Немало времени у вас отняло озвучивание мультфильмов. Самым известным из персонажей стал кот Матроскин. Зачем вы занимались мультипликацией, ради денег?

— Правда, по тем временам это были полторы мои месячные зарплаты, но если бы на Западе я озвучивал мультфильм, который пользовался бы таким спросом, как простоквашинские истории, давно стал бы миллионером.

— Во МХАТе с огромным успехом прошла премьера пьесы Жана Клода Брисвина в постановке Андрея Смирнова «Ужин», в которой вы с Джигарханяном на протяжении всего вечера с аппетитом поглощаете различные экзотические продукты. Раскройте секрет — в спектакле все настоящее?

— Ели мы все то, что написано в сценарии: паштет из гусиной печени с шампиньонами (трюфелей достать не удалось), мягкие части артишоков под соусом, спаржу с горошком, семгу «а-ля роаяль» с каперами и соевыми огурцами. К сожалению, меня достигала только небольшая часть этих деликатесов.

— Откуда же брались столь экзотические кушанья?

— Даниэль Розамон, личный повар посла Франции, был консультантом спектакля и терпеливым учителем для одной из наших сотрудниц, которая в итоге научилась все эти блюда довольно качественно готовить. А добытием продуктов занимался исключительно буфет театра.

— Сколько стоил ваш ужин на двоих?

— Тысяч 35 — 40 рублей.

— Были ли у вас подобные пиршества в других спектаклях или кинофильмах?

— Кинематограф кормил меня не только метафорически, но и реально. Я неплохо ел в роли Людовика в «Трех мушкетерах» и в «Семнадцати мгновениях весны», а уж в «Обломе»...

— И все было настоящее?

— Мне кажется, в кино необходима подлинность во всем. Помню, как осторожно Саша Адабашьян вплетал в «Обломе» бабочку в паутину. Это было настоящее искусство. Кстати, в моей первой картине «Саша вступает в жизнь», которая благополучно пролежала на полке тридцать лет, мой первый кинематографический учитель Михаил Швейцер создал такую атмосферу подлинности, что мне, беспомощному дебютанту, было очень легко справиться со своей ролью.

В этом фильме коровы должны были падать от голода, и, чтобы это происходило естественно, им давали по ведру водки. Но русская корова не желала падать от одного ведра, требовала еще. Приходилось добавлять. Так что не знаю, как насчет наших актеров, а наши коровы самые выносливые коровы в мире...

Беседовал Алексей БЕЛЫЙ.
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

— Олег Павлович, в одном из своих фильмов, «Шумный день», вы лихо крушили боевой саблей отцовский мебельный гарнитур, символ мещанства и обывательской пошлости...

— Я очень хочу поставить этот спектакль. Чтобы юный герой на глазах у всех рубил обливную дубленку, а кто-то своими ручонками потными тянул бы спасать рукав от нее. Средства бы только найти...

Нынешнее молодое поколение не хуже и не лучше моего, оно просто другое. У них трудная молодость, их неожиданно и в одночасье подвели к мысли, что все можно купить. Это ложь.

Когда я был молодым, конформизмом считалось холуйство по отношению к идеологии, к властям, к предержащим. Сегодня — синдром холуйства по отношению к доллару.

— Десять лет назад вы называли себя старомодным человеком, высказываясь о том, что мужчина должен материально содержать себя, жену и детей...

— Без этого для меня мужчина просто не может состояться. Студенты курса, на котором я преподаю в Школе-студии МХАТ, уже в течение двух лет играют в нашем театре. Они не бедствуют. Этого, конечно, еще не достаточно для того, чтобы прокормить жену и детей; значит, надо больше работать.

Когда у меня еще до тридцати случился инфаркт, я понимал, что он закономерен. Ну, надорвался, что же делать. Я сумел превозмочь себя. Поверьте, было очень трудно работать между спектаклями и репетициями еще на радио и на телевидении. Я тратил свое здоровье, но обеспечивал приличный жизненный уровень жене и детям.

Может быть, мне повезло, но везет работающим, бездельникам никогда не повезет. Если ты занимаешься любимым делом, то и перегрузки должны быть властью. А по-другому если жить... Не знаю, тогда действительно нужно идти торговать. Как вы думаете, почему я сегодня все-таки не уезжаю, упрямо отказываясь от должности гость-профессор, которая даст 72 тысячи долларов в год, дом, приличную машину? Такое предложение есть из Америки, приглашают и в Европу. Думаете, я не хочу спокойно зарабатывать доллары? Но я русский, боль, грязь и красота этой земли — моя питательная среда. Без всего этого я потеряю смысл в жизни.

— Насколько я знаю, вы из семьи саратовских врачей, и когда заканчивали школу, ваша мама хотела видеть вас гинекологом. Вы же приехали в Москву, без всяких связей и знакомств поступили в Школу-студию МХАТ, решив пробиться в жизни самостоятельно.

— Наверное, все стремления находятся внутри человека, передаются с генами. Протуберанцы способностей я видел у своей бабушки, когда она совершенно фантастически пела русские песни. Потом, став постарше, услышал их в исполнении Лидии Николаевны Руслановой. Может быть, это сентиментально, но иногда на каких-то ее нотах у меня наворачиваются слезы... Думаю, судьба была просто несправедлива к моей бабушке Анне Константиновне, ей так и не удалось реализоваться. Во мне же как-то ослабла ткань запрета потребностями поделиться с людьми своими

— В одном могу упрекнуть нынешнюю молодежь — добра и родства они не помнят, но за плохую корневую систему жизнь будет спрашивать очень строго.

слезами или радостями. Моя мама играла в гимназии Марину Мининскую. Она одна нас растила и ставила на ноги.

Первый раз я вышел на сцену в восемь лет. Мама пошла в армию, чтобы опять-таки от голода нас спасти, — туда, под Сталинград, на озеро Эльтон. Один из раненых, видимо, преуспевающий в самодеятельности в мирное время, разучил со мной скетч из раннего Чехова. Мог ли я в школе представить, что буду актером? Тогда эта профессия казалась мне волшебной. Какие тогда играли актеры! Петр Алейников, Борис Андреев, Крючков, Бернес, Караваева Машенька...

— Теперь в Школе-студии МХАТ ваш четвертый выпуск, но, говорят, школа-студия работает и в Америке?

— Да, только летняя. Каждое лето в университетском городке под Бостоном шесть недель преподает группа педагогов из нашей школы-студии.

— Правда ли, что на ваши занятия приходили Дастин Хофман и Мюррей Абрахам?

вожу стрелки на путях его развития, и в своих прогнозах почти не ошибался.

— Случались ли у вас периоды, когда ничего не получалось, дела валились из рук и вы не видели выхода из черной полосы?

— Почему же нет? Последний такой период завершился не так давно. Год работал над постановкой «Неоконченной пьесы для механического пианино» и ничего не получалось. Были мысли о том, что я, наверное, неплохой артист и незачем из себя режиссера изображать. Даже решил, что никогда не буду заниматься режиссурой. Но в итоге спектакль оказался не таким уж и плохим.

— Какие у вас планы на ближайшее будущее? Поступают ли приглашения сниматься в кино, что репетируете в театре?

— Володя Меньшов написал для меня замечательную роль в комедии «Ширли-мырли», но у меня нет возможности уезжать на три месяца, придется сыграть роль поменьше. На кино у меня просто не хватает времени.